

RU

Агностический мистицизм Фритца Маутнера: проблема рациональности

Матушанская Ю. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление отношения к рациональности в агностическом мистицизме Фритца Маутнера. В статье рассмотрена проблема границы рациональности в трудах Фритца Маутнера в контексте философской мысли XIX–XX вв. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые был рассмотрен агностический мистицизм Фритца Маутнера как направление философии религии, а не как аспект философии языка, как это делалось ранее. В результате исследования была сформулирована концепция, основанная на мистическом агностицизме Ф. Маутнера, показывающая взаимосвязь между рационально описываемым миром, мистикой и Богом (в понимании Маутнера).

EN

Fritz Mauthner's agnostic mysticism: the problem of rationality

Y. G. Matushanskaya

Abstract. The research aims to identify the attitude toward rationality in Fritz Mauthner's agnostic mysticism. The article examines the problem of the boundaries of rationality in Mauthner's works within the context of 19th–20th-century philosophical thought. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first to analyze Fritz Mauthner's agnostic mysticism as a distinct direction in the philosophy of religion, rather than merely an aspect of the philosophy of language, as has been the case in previous scholarly works. As a result of the study, a concept based on Mauthner's mystical agnosticism is formulated, demonstrating the interconnectedness between the rationally described world, mysticism, and God (as understood by Mauthner).

Введение

Актуальность исследования. Тема соотношения религии и рациональности не теряет своей актуальности на протяжении многих столетий. Во-первых, элементы рациональности находятся внутри самой религии. Такие дисциплины, как теология, литургия, изучаемые в религиозных учебных заведениях, рациональны и имеют логическую основу. Во-вторых, как в религиозной, так и во внерелигиозной мысли есть место иррациональному (иррациональна философия Ф. Ницше, например). При этом существует много различных типов рациональности в самой науке, которая, как принято считать, является оплотом рациональности. Так, рациональность химии не похожа на рациональность математики (Визгин, 1996, с. 173). Однако в отличие от алхимии, рациональность которой в классической науке не признается и ее (алхимию) как раз можно отнести к мистике, химия для научного мира будет рациональной, разумной и научной. Возникает вопрос о границе рациональности. Как правильно пишут авторы классической коллективной монографии «Исторические типы рациональности», после появления концепции научных революций Т. Куна (1977) сформировался плюралистический подход, допускающий множество типов рациональности вместо одного разума (ratio). Любая научная революция приводит к «перемене гештальта» (Гайденко, 1996, с. 7). То есть появляется много картин мира, много «гештальтов». Но если оптика меняется в результате научных открытий, то в мире предположительно существуют некие интеллектуальные системы, которые изначально принципиально отличаются от общепризнанных. Относительно причин революций (в данном случае можно применить это для анализа причин научных революций) Н. Луман (2004, с. 492) пишет, что увеличение сложности системы, а значит и увеличение возможности коммуникации, ведет к увеличению возможности конфликтов. В качестве примера такого конфликта может служить позиция П. Фейерабенда, который, противопоставляя свое мнение мнению остального научного сообщества, заявляет о высокомерной, имперской позиции науки – наука нас изучает (Feuerabend, 1976, S. 15). Она субъект, все остальное (включая людей, их жизни, их мнения) – объект. П. Фейерабэнд (1986, с. 459) пишет, что наряду с отделением государства от церкви должно быть произведено отделение государства (и, по всей видимости, общества) от науки. Как известно, у Фейерабенда есть

критики и оппоненты, однако его позиция свидетельствует о том, что отношение к научной рациональности как разновидности рациональности вообще не является однозначным, а значит и исследование агностического мистицизма Маутнера, и его отношение к мистике как к пределу рациональности актуально.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать научные взгляды Ф. Маутнера в контексте его жизненного пути;
- проанализировать взаимосвязь научных взглядов Ф. Маутнера и других исследователей, высказывавшихся в том числе и о религии, таких как И. Кант, М. Бубер и Л. Витгенштейн;
- показать, как агностический мистицизм Маутнера раскрывает проблему рациональности в контексте его представлений о мистике и Боге.

Методы исследования: 1) герменевтический метод, ориентированный на герменевтику Г. Гадамера (1988), позволяющий исследовать научные взгляды Маутнера в контексте его жизненного пути; 2) метод истории идей К. Скиннера (2023), в контексте которого были рассмотрены дискурсивные интервенции идей И. Канта и М. Бубера на мировоззрение Ф. Маутнера, полемика Ф. Маутнера с Э. Махом а также корреляция взглядов Ф. Маутнера и Л. Витгенштейна; 3) структурный функционализм Н. Лумана (2004), позволяющий настроить исследовательскую оптику таким образом, чтобы четко прочертить взаимосвязь в агностическом мистицизме Ф. Маутнера между рационально описываемым миром, мистикой и Богом (в понимании Маутнера).

Материалом для исследования послужили работы Ф. Маутнера, такие как „Die Sprache“ (Mauthner, 1906b), „Beiträge zu einer Kritik der Sprache“ (Mauthner, 1906a), „Prager Jugendjahre“ (Mauthner, 1918), „Sprache und Leben“ (Mauthner, 1986), „Wörterbuch der Philosophie“ (Mauthner, 1922), „Der Atheismus und seine Geschichte im Abendland“ (Mauthner, 2011a), „Die drei Bilder der Welt: Ein sprachkritischer“ (Mauthner, 2011b).

Теоретическая база работы состоит в совокупности научных исследований, посвященных творчеству Ф. Маутнера. Так, в монографии О. А. Радченко (1997) изучается концепция критики языка, исследования в том же направлении проводит С. Л. Фурманова (2009, с. 75), которая анализирует не только труды Маутнера в философском аспекте, но и затрагивает его литературное творчество. Важной для исследования является интуитивная находка Е. С. Черепановой (2001, с. 26), когда автор характеризует мистику Ф. Маутнера как агностическую. Р. А. Бурханов и Е. А. Давыденко (2012, с. 11-18) уделили большое внимание биографическим аспектам в сочетании с творческими прозрениями Ф. Маутнера. Л. В. Низьева (2014, с. 87-99) посвятила свое исследование переписке Ф. Маутнера и Э. Маха, показав, как в полемике кристаллизуется философская позиция Маутнера относительно недостижимости адекватного описания реальности при помощи рационального описания. Среди иностранных исследователей можно выделить таких немецких авторов начала XX века, как Ю. Баб (Bab, 1960), написавший работу о Маутнере в 1923 г., и Р. Э. Оттманн (Ottmann, 1902), освещавший перипетии творческого пути Маутнера при его жизни. Также важны для данной работы труды современных исследовательниц Б. Ульман (Ullmann, 2000) из Германии, она изучает философскую составляющую творчества Маутнера, и К. Аренс (Arens, 1995, р. 46-75) из Кембриджа, работы которой посвящены отражению философии Ф. Маутнера в его художественных произведениях.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения исследований в области агностического мистицизма Фритца Маутнера в образовательных курсах по истории философии и религиоведению.

Обсуждение и результаты

Для понимания позиции Ф. Маутнера относительно мистики необходимо ознакомиться с его судьбой и взглядами, сформированными в процессе жизни. Фриц Маутнер родился 22 ноября 1849 г. в Чехии в еврейской семье. Через несколько лет семья переехала в Прагу. Маленький Фритц оказался в полилингвальной ситуации. В семье Маутнера со слугами говорили на чешском, который те понимали. Между собой в семье говорили на немецком. Кроме того, иногда использовали иврит и идиш. В то время идиш, как «диалект», считался языком местечек, а не культурных людей, к которым себя относили родители Фритца, поэтому говорить на идише было немного неприлично. В Праге говорили как на чешском, так и на немецком. Во времена становления чешской идентичности немецкий и чешский были языками конкурирующих этнолингвистических групп. Разница между ними ощутима, и человек, знающий оба эти языка, может увидеть то, как эти языки по-разному описывают реальность. Вся эта языковая ситуация повлияла на Фритца Маутнера. Он с раннего детства понял и функциональность языка как коммуникативной системы, и несовершенство языка как средства описания реальности (Mauthner, 1906a, S. XI).

Полилингвальность или ее отсутствие, сама постановка проблемы возможности понимания друг друга людьми, говорящими на разных языках, а также описания реальности на каком-либо языке – все это настраивает исследовательскую оптику на улавливание тонких различий в системе языка, констатацию его неспособности до конца адекватно отразить реальность. Ведь если бы реальность могла бы быть описана языком адекватно, то возможен был бы точный перевод с одного языка на другой, но это не так. И даже если нет тотального молчания в коммуникации людей, говорящих на сильно отличающихся языках, при переводе остаются недопонимание и лакуны.

Для сравнения с Маутнером, связь образования и ассимиляции/эмансипации евреев в европейской культуре конца XIX – начала XX в. можно проследить также на примере детских лет Льва Шестова, философа русского зарубежья. Как и Маутнер, Шестов получил классическое образование: он окончил киевскую гимназию,

после чего учился в Московском университете. Классическое образование как в России, так и в Европе строилось на античных образцах. Так, в гимназиях Германии до сих пор изучают латынь. Основой получаемых знаний являлась логика Аристотеля. Лев Шестов, как и Фритц Маутнер, обучался на юридическом факультете. Однако именно аристотелеву логику Лев Шестов (2001) подвергает критике в своем произведении «Афины и Иерусалим», справедливо считая ее базисом рационального мышления западной цивилизации (Матушанская, 2007, с. 98-99). Он смотрит на логику и на смысл истории, основанный на логике, как бы со стороны, так же, как Маутнер на язык. Оба эти философа видят данные явления человеческой цивилизации в снятом виде, абстрагируясь от них.

Фритц Маутнер поступил в Пражский университет учиться на юриста, но вскоре бросил университет и стал журналистом, культурным обозревателем вначале в Праге, а с 1876 г. в Берлине. Маутнер работал в издательствах „Mosesschen“ и „Berliner Tageblatts“ (Бурханов, Давыденко, 2012, с. 11-18), стал писать романы, которые пользовались популярностью у немецкой молодежи (Фурманова, 2009). В 1891 г. Маутнер начал сочинение „Beiträge zu einer Kritik der Sprache“ в 3 томах, которое было опубликовано в 1901-1902 гг. Основной идеей этого труда было то, что мир невозможно постичь посредством языка. Слова – это символы, обозначающие явления, смысл же явлений остается сокрытым (Mauthner, 1906a). В данном подходе к языку чувствуется влияние кантовских идей.

В Фрайбурге в 1905 г. Маутнер вступил в Кантовское общество (Бурханов, Давыденко, 2012). Знакомство с работами Канта дало Фритцу Маутнеру пищу для размышлений. Как известно, в философии И. Канта категории языка онтологически связаны с логикой, то есть они рациональны. В то же время на природу элементов языка влияет комплексность и контингентность их связи, что вносит иррациональность в языковую систему (Меньшикова, 2021, с. 438). Отношение Маутнера к философии Канта представляется амбивалентным. Он сомневается в том, что сущее делится на мир вещей в себе и мир вещей для нас. Однако мир как комплекс ощущений, будучи сказанным, по его мнению, теряет свою первозданность (Низьева, 2014). В результате этого язык не передает реальные ощущения и не может описать явления мира. Для Маутнера критика языка стала аналогом кантовской критики рациональности.

В 1906 г. Ф. Маутнер познакомился с Мартином Бубером. Беседы с Бубером подтолкнули Ф. Маутнера к написанию монографии «Язык» („Die Sprache“) (Фурманова, 2009). В данной работе Маутнер сравнивает язык науки и литературы. Среди исследований на тему связи философии Ф. Маутнера и его художественных произведений можно назвать работу К. Арена (Arens, 1995, р. 46-75). Маутнер считает, что язык – это инструмент литературы, но он не может служить орудием научного познания действительности, так как невозможно ухватить тонкую реальность «грубыми щипцами языка» (Mauthner 1906b, S. 19). Он утверждает, что человек должен останавливаться в своем познавательном энтузиазме высказать все о действительности и замолкать перед лицом непостижимой реальности. Тут появляется идея молчания и вводится понятие мистики как предела языка и рациональности. Эта идея по-своему нумерозна (Отто, 2008). Молчание как минимум таинственно, а значит сакрально и в какой-то степени пугающе. Из полемики Ф. Маутнера и Э. Маха родилось понимание того, как появление лакун очищает язык от мертвых конструкций, сохраняя чистоту и ясность ощущения реальности. Происходит генерализация описания сущего. Из этого следует, что мистика – это граница, к которой подходит мысль, когда язык перестает быть инструментом познания реальности (Низьева, 2014, с. 96). Но убирая лишнее, умалчивая о ненужных подробностях, мы абстрагируемся от реальности, перестаем быть чрезмерно вовлеченными в эту реальность, в каком-то смысле отчуждаемся от нее, чтобы постигать ее в снятом виде.

Подобное представление о языке созвучно мыслям Л. Витгенштейна: «Созерцание мира с точки зрения вечности – это созерцание его как целого –ограниченного целого. Переживание мира как ограниченного целого – вот что такое мистическое» (1994, с. 72). Исследователи творчества Людвиг Витгенштейна О. Ю. Астахов и О. В. Ртищева (2018, с. 135) утверждают, что, согласно Л. Витгенштейну, высшей формой проявления языкового осмысления мира становится молчание, которое также характеризуется внутренним молчанием (молчанием мышления). Поэтому В. В. Биbihин (2005, с. 39) отмечает, что логика Л. Витгенштейна также может трактоваться как мистика.

Философия, по мнению Витгенштейна, должна ставить границу мыслимому и тем самым немислимому (мистическому), т. е. выполнять демаркационную роль. Субъект не принадлежит миру, а представляет собой его границу, подобно тому, как психическая система не является частью социальной системы в структурном функционализме Н. Лумана (Luhmann, 1997, S. 105). Согласно Витгенштейну, философские проблемы возникают не потому, что ученые мыслят неясно, не по правилам. Постановка их вызвана гораздо более глубокими (можно сказать экзистенциальными) потребностями человека. Эти проблемы находят выражение в метафизическом измерении. Об этих вещах, полагает Витгенштейн, нельзя говорить, их можно чувствовать, переживать (Дружинина, Матушанская, 2005, с. 72).

Близка к витгенштейновскому представлению о мыслеобразе идея Маутнера, что в памяти имеются абстрактные представления, которые перетекают друг в друга, набор образов, из которых возникают понятия. Если человек использует какое-либо понятие творчески, он ощущает, как множество единичных представлений толпится перед «игольчатым ушком нашего сознания, готовое прорваться и оживить это понятие» (Ullmann, 2000, S. 91). В результате появляется некоторое понимание, обозначаемое словами языка, но большая часть реальности остается невысказанной, неописанной, утонувшей в мистической контингентности человеческой коммуникации (Бурханов, Давыденко, 2012, с. 11-18). Как считает М. Е. Соболева (2005, с. 110), несмотря на то, что на основании совпадений во взглядах Маутнера и Витгенштейна нельзя однозначно судить о том, насколько хорошо Витгенштейну были известны труды Маутнера, тем не менее, можно утверждать, что Маутнер впервые высказал многие мысли, составляющие смысловую базу афоризмов Витгенштейна.

Одним из доводов в пользу агностицизма, а не атеизма Маутнера являются его исследования как раз в области изучения атеизма. Как и язык, атеизм он анализирует как бы со стороны. В работе Е. С. Черепановой (2001, с. 26) мистика Ф. Маутнера характеризуется как агностическая. Следуя его же принципам, можно сказать, что, назвав себя верующим или атеистом, исследователь теряет чистоту восприятия, тем более повествования. Поэтому принадлежность к религии должна быть сокрыта мистическим молчанием, что можно определить в данном случае как агностицизм (Матушанская, 2020). В 1920 г. был опубликован первый том книги Маутнера „Der Atheismus und seine Geschichte im Abendland“ («Атеизм и его история на Западе») (Mauthner, 2011a). Второй, третий и четвертый тома публикуются в 1921-1923 гг. Этот труд Маутнера – исследование истории атеизма и критики понятия «Бог». Часть этой книги, посвященная Великой французской революции, стала первым и единственным текстом Маутнера (1924), переведенным на русский язык.

Кроме того, взгляды на религию Маутнера раскрываются в его работе „Die drei Bilder der Welt: Ein sprachkritischer“ («Три картины мира») (Mauthner, 2011b). По мнению Маутнера, человек Нового времени, воспринимая мир, имеет дело с определенной конструкцией. Для людей характерно субъектно-объектное отношение ко всему. Такое восприятие делает мир объектом подчинения, покорения, обладания, господства (можно сказать, обобщая, «снятия»), поскольку человек как субъект вывел себя за пределы мира, он человеку ничего о себе сказать не может. Для понимания мира нужно быть вовлеченным в поток жизни. О субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях писал и М. Бубер (1993) в философском труде «Я и Ты». В этой поздней работе Ф. Маутнер приходит к теоретическому обобщению своих религиозно-философских взглядов. Согласно Маутнеру (Mauthner, 2011b), картина мира делится на три составляющих: субстантивный мир (мир бытия), адъективный (мир опыта) и вербальный (мир становления). Ни одна из них не включает в себя все. Мистика заключена в субстантивном мире, в нем и только в нем существуют «Бог», «благодетель», «добро» и другие религиозные представления. Субстантивный мир – это мир абстракций. Бог редуцируется до абстрактного понятия, что роднит взгляды Ф. Маутнера с концепцией Бога Н. Лумана.

Подобно тому, как в теории формаций К. Маркса секуляризируется мистическая идея божественного провидения, изложенная в библейской Книге пророка Даниила и межзаветной иудейской мистике (Рассел, 1998, с. 416), Ф. Маутнером секуляризуется сама мистика, ставшая пределом языка, мышления и познания (Матушанская, 2024). На протяжении веков мистика более или менее успешно помогала увидеть мир в снятом виде. Автору нужна была для осмысления жизни воображаемая наблюдательная позиция вовне, с условного места Бога. Если использовать оптику структурного функционализма Н. Лумана, Бог – это трансцендентный наблюдатель всех наблюдений и самонаблюдений. Он остается невидим и не представляет самого себя (Luhmann, 2002, S. 28). Формы смысла, согласно Луману, являются религиозными, если смысл отсылает к различению между наблюдаемым и ненаблюдаемым (Luhmann, 2002, S. 35). Поэтому можно сказать, что Маутнер, говоря о мистике, все же высказывается о религиозном.

Итак, Бог – ненаблюдаем по Луману – часть субстантивного мира, который не проявляется в других мирах, согласно Маутнеру. Можно определить комплексное понятие мистики. Мистика – это абстрагирование, когда мистик пытается высказать впервые невысказываемое, как это можно видеть в случае с Книгой пророка Даниила и иудейской мистикой межзаветного периода. Высказанное из иррационального переходит в рациональное, которое может быть подвержено логическому анализу, подобно библейской линейной модели истории. Она, по словам Б. Рассела (1998, с. 416), пронизывает европейскую философию истории от Августина до Маркса. Справедливо и обратное, согласно Маутнеру, что мистика – это граница, к которой подходит мысль, когда язык перестает быть инструментом познания реальности (Низьева, 2014, с. 96). Получается, что мистика – это граница между рационально описываемым миром и тем, что (кого) условно можно назвать Богом, воспринимаемым агностически. Специфика ситуации еще и в том, что, если на место абстрактного Бога поставить Бога монотеистических религий, в понимании мистики ничего существенно не изменится.

В результате размышлений о природе мистики по Маутнеру складывается картина, показывающая следующее. Существует цепочка: ненаблюдаемое (Бог) – наблюдаемое, но невысказываемое (мистика) – наблюдаемое и описанное логически или художественно (язык). После того, как определенный взгляд (концепция) высказан, когда создана какая-то пригодная для анализа реальности оптика, когда появляются термины или даже числовые подсчеты, тогда это все можно подвергнуть рациональному анализу. Для Ф. Маутнера Бог и мистика находятся в одном пространстве субстантивного мира. Н. Луман не выделяет мистику. Бог у него – наблюдатель второго порядка, невидимый наблюдаемым и видимый себе (наблюдатель первого порядка себя не видит, но видим всем). Мистика – это стена (мембрана) между разумом и Богом (пусть это даже абстрактное понятие). При этом движение возможно в обе стороны.

Агностический мистицизм Маутнера, как представляется, сводим к позиции наблюдателя второго порядка, пользуясь терминологией Н. Лумана (Матушанская, 2019, с. 110), которым является в структурном функционализме Лумана Бог. Но, высказываясь по поводу понятого/пойманного, наблюдатель становится актором, частью системы, тем самым переходя с позиций наблюдателя второго порядка (который невидим системе, но видит сам себя) в наблюдателя первого порядка (открытого системе и, возможно, теряющего ощущение своего места в социальном космосе).

Заключение

На протяжении своей жизни Фритц Маутнер шел к пониманию природы языка и мистики. Находясь с детства в полилингвальной ситуации, Маутнер скептически относился к способности языка адекватно

описывать реальность. Пребывая под воздействием философии Канта, Маутнер формулирует тезис о том, что существуют границы человеческого познания. По его мнению, там, где язык перестает быть инструментом познания, границей языка и рациональности становится мистика. В этом его взгляды коррелируют с позицией Л. Витгенштейна. Маутнер не причисляет себя к верующим, его позиция скорее агностическая. В конце жизни Маутнер формулирует концепцию, в которой раскрывает свое понимание мира. Согласно Маутнеру, мир делится на три части: субстантивный мир (мир бытия), адъективный (мир опыта) и вербальный (мир становления). Субстантивный мир – мир, в котором проявляется мистика, в нем и только в нем существует Бог. Если применить к религиозно-философским взглядам Маутнера оптику структурного функционализма Н. Лумана, можно получить следующую картину. Существует цепочка «ненаблюдаемое (Бог) – наблюдаемое, но невысказываемое (мистика) – наблюдаемое и описанное рационально (язык)», движение может происходить в обе стороны. Мистика – это стена (мембрана) между разумом и Богом.

В качестве перспективы дальнейшего исследования можно назвать сравнение рассуждений Ф. Маутнера о научной рациональности с трудами Л. И. Шестова (2001) и Ж. Деррида (2000), обосновывая тезис, что агностический мистицизм Ф. Маутнера – это деконструкция рациональности (близкая к талмудическому пилпулу), только иным, свойственным лишь Маутнеру, способом.

Материалы исследования | Research materials

1. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Stuttgart: Cotta, 1906a.
2. Mauthner F. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande: in 4 Bdn. / hrsg. von Ludger Lütkehaus. Aschaffenburg: Alibri, 2011a.
3. Mauthner F. Die drei Bilder der Welt: Ein sprachkritischer Versuch. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2011b.
4. Mauthner F. Die Sprache. Frankfurt a. M.: Rütten und Löning, 1906b.
5. Mauthner F. Erinnerungen. München: Georg Müller, 1918. Bd. I. Prager Jugendjahre.
6. Mauthner F. Sprache und Leben. Salzburg: Residenz Verlag, 1986.
7. Mauthner F. Wörterbuch der Philosophie: in 2 Bdn. München – Leipzig: Georg Müller; Felix Meiner, 1922. Bd. 2.

Источники | References

1. Астахов О. Ю., Ртищева О. В. Языковая рефлексия мира // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1 (35).
2. Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
3. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
4. Бурханов Р. А., Давыденко Е. А. Философия языка Фрица Маутнера // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3.
5. Визгин В. П. Химическая революция как смена типов рациональности // Исторические типы рациональности: в 2 т. / отв. редактор П. П. Гайденко. М.: ИФ РАН, 1996. Т. 2.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Философские работы: в 2 ч. / пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеевой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.
7. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
8. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Исторические типы рациональности: в 2 т. / отв. редактор П. П. Гайденко. М.: ИФ РАН, 1996. Т. 2.
9. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб: Академический Проект, 2000.
10. Дружинина И. А., Матушанская Ю. Г. Человек в свете современной западной философской мысли. Казань: Изд-во КГТУ, 2005.
11. Кун Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977.
12. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
13. Матушанская Ю. Г. Великий наблюдатель: о понятии «Бог» в теории социальных систем Никласа Лумана // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1.
14. Матушанская Ю. Г. Имплицитное присутствие иудейской религиозной методологии в философских рассуждениях Льва Шестова // Глобальный кризис: метакультурные исследования: материалы международного симпозиума «Глобальный культурный кризис Нового времени и русская словесность» памяти Андрея Тарковского (3–4 апреля 2006 г.): в 2 т. Шуя: Весть, 2007. Т. 2.
15. Матушанская Ю. Г. Исследование Фрица Маутнера об атеизме во времена Великой французской революции и его рецепция в советской атеистической литературе // Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности: сборник научных докладов / под ред. профессора Е. И. Аринина. Владимир: Аркаим, 2020. Сер. «Свеча – 2020».
16. Матушанская Ю. Г. Маркс и Маутнер: секуляризация мистики // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: РОИФН, 2024.
17. Маутнер Ф. Атеизм в эпоху Великой французской революции / пер. с нем. И. Я. Колубовского. Л. – М.: Петроград, 1924.

18. Меньшикова А. А. Метафизика языковых категорий в «лингвистическом кантианстве» и аналитической философии // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2-2.
19. Низьева Л. В. Влияние идей Эрнста Маха на критику языка Фритца Маутнера // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 3.
20. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
21. Радченко О. А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Метатекст, 1997.
22. Рассел Б. История западной философии. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
23. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
24. Соболева М. Е. Философия как критика языка в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
25. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова. М.: Прогресс, 1986.
26. Фурманова С. Л. Лингвокритическая деятельность Ф. Маутнера // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1 (3).
27. Черепанова Е. С. Австрийская критика языка: агностическая мистика Ф. Маутнера // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2001. № 2.
28. Шестов Л. И. Афины и Иерусалим. СПб.: Азбука, 2001.
29. Arens K. Between Hypatia and Beauvoir: Philosophy as Discourse // Hypatia. 1995. Vol. 10. № 4.
30. Bab J. Fritz Mauthner // Bab J. Über den Tag hinaus: Kritische Betrachtungen. Heidelberg – Darmstadt: Verlag Lambert Schneider, 1960.
31. Feyerabend P. Wider den Methodenzwang: Skizze einer anarchistischen Erkenntnistheorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976.
32. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1997.
33. Luhmann N. Die Religion der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2002.
34. Ottmann R. E. Fritz Mauthners Kritik der Sprache // Zeitschrift für den deutschen Unterricht. 1902. Jhg. 17. Heft 1.
35. Ullmann B. Fritz Mauthners Kunst- und Kulturvorstellungen. Wien: Praesens, 2000.

Информация об авторах | Author information



Матушанская Юлия Григорьевна¹, д. филос. н., проф.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет



Yulia Grigoryevna Matushanskaya¹, Dr

¹ Kazan (Volga) Federal University

¹ jgm2007@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.03.2026; опубликовано online (published online): 25.03.2026.

Ключевые слова (keywords): Фритц Маутнер; границы рациональности; агностический мистицизм; философия религии; философская мысль XIX-XX вв; Fritz Mauthner; boundaries of rationality; agnostic mysticism; philosophy of religion; 19th-20th-century philosophical thought.